

Дыхание - это то, что естественно для каждого живого существа в мире. Обычно это легко или, по крайней мере, так и должно быть, ведь если вы перестанете дышать, это будет означать, что вы УМЕРЛИ.

Теперь вопрос на миллион долларов: как нечто столь простое и естественное становится столь трудным и неестественным? Почему каждый выстраданный вдох, который он делал, был таким поверхностным? Маленьким? И почему ему было так больно? Его голова была затуманена, и он не мог вспомнить, что произошло.

Он хотел вспомнить, но вместо этого решил сосредоточиться на чем-то другом. На своем дыхании. Он должен был дышать, даже если каждый вдох приносил ему невыносимую боль. Нет, не невыносимую, в конце концов, его учили не чувствовать боль, нет, это тоже неверно, его учили игнорировать боль, его учили, что даже если ему придется страдать от сильных волн боли, он должен выполнить свою миссию, даже если это будет означать его смерть. Миссия превыше всего, а лечение... ну, этого обычно не было. Ему всегда приходилось самому латать свои раны, самому накладывать швы. Но даже когда эти раны затягивались, они всегда оставляли что-то позади, что-то, что напоминало ему о его неудаче, о его слабости. ШРАМЫ. Он уже сбился со счета, сколько их было на его теле, и каждая из них имела свою историю. Некоторые были от тренировок, некоторые - от миссий, а некоторые - от бега... Бега? Бегство откуда? Или, скорее, от кого?

О, точно, убегая, я обрел друзей. Друзей, которые прикрывали меня, а я их. Но это еще не все... - подумал он, чувствуя, как несколько воспоминаний приходят в голову и уносят его в прошлое. Его дыхание все еще было поверхностным, но теперь оно участилось. Он решил прекратить попытки вспомнить, что произошло, чтобы заставить воспоминания вернуться. Какая-то его часть не хотела вспоминать, а другая желала лишь отдаться воспоминаниям. Но логика пересилила любопытство, он знал, что должен делать, он должен был сосредоточиться, чтобы дыхание стало ровнее. Так он и сделал. Это заняло некоторое время, но он справился.

Он медленно почувствовал, как к нему возвращается сознание.

Бип-бип-бип

Бип? Почему он пищит? Кто-нибудь может заставить его прекратить? Это раздражает...

Капелька Капелька Капелька Капелька Капелька

Гон оставил раковину открытой или что? Или это Все... - он остановился, чтобы не произнести ее имя. Он не знал почему, но при звуке этого имени почувствовал жгучую боль в груди. Но почему имя его младшей сестры причиняет ему боль? И если уж говорить о младшей сестре, то где она была? Спала ли она рядом с ним?

Он попытался сосредоточить свой слух, ища мягкий звук дыхания, который издавала его сестра, когда спала.

Он услышал сильный ветер, который с воплями бился в окно. Он услышал шаги, много шагов, слишком далеко от него, чтобы быть в одной комнате с ним. Затем бормотание. Он не мог разобрать, о чем именно они говорят. Двери открывались и закрывались. Толкали тележки.

Звуки. Так много звуков, но ни один не принадлежал его сестре. Той, кого он искал.

С вновь обретенной решимостью Киллуа решил открыть глаза - задача оказалась сложнее, чем он ожидал.

Глаза щипало, но он решил не обращать на это внимания, медленно открыл их, но совсем чуть-чуть, чтобы казалось, что они все еще близко. Но как только он открыл их, на него обрушился свет, заполнивший комнату. Он несколько раз моргнул, прежде чем полностью открыть глаза. Как только ему это удалось, он огляделся вокруг, осматривая обстановку. Он находился в больничной палате, звуки доносились из кардиомонитора, а вода капала из капельницы.

Он попытался сесть, морщась от боли, но снова решил не обращать на нее внимания. Он посмотрел на свое тело, на нем были шорты, но не рубашка, и он был весь в бинтах, некоторые из которых были в крови.

Он посмотрел за окно. Было солнечно, дул сильный ветер. Свет, проникающий снаружи, делал пыль в воздухе видимой. Он уставился на нее. Он смотрел на пыль, словно ожидая чего-то. Но это была просто пыль. Пыль. ПЫЛЬ. Он заставил себя отвести от нее взгляд и посмотреть на свои руки. Капли падали с его лица, с глаз, и он понял, что плачет. Но почему? Это была не боль, это была пыль. Но это была просто пыль, это не было похоже на Аллуку... Пыль, Аллука... Воспоминания о событиях прошлой ночи затопили его разум. Слезы лились волнами. Было тихо. Как и всегда, он плакал без шума, как во время тренировок.

Он посмотрел на свой рюкзак и скейтборд, лежащие на стуле рядом с его кроватью. Он потянулся к рюкзаку и достал из внешнего кармана маленькую бумажку. Это была маленькая фотография его, Аллуки, Гона, Курапики и Леорио. Единственный член семьи, которого он любил и который никогда не предавал его, и его самые первые друзья. Он поборол слезы и положил фотографию обратно в карман. На маленьком столике рядом с ним он заметил два своих йо-йо.

Теперь они не нужны. подумал он. В конце концов, в них больше нет смысла. Нет цели.

Дверь в его палату открылась, и в комнату вошла молодая медсестра, толкавшая маленькое тележное колесо. У нее были шоколадно-каштановые волосы, собранные в беспорядочный пучок. Молодая медсестра выглядела усталой, с черными кругами под глазами. Когда она полностью вошла в палату и заметила, что Киллуа проснулся, выражение ее лица изменилось на удивленное.

-Доброе утро, молодой человек, как вы себя чувствуете? спросила она с небольшой улыбкой, проверяя капельницу. Парень не должен вставать около шести часов. подумала она. Она посмотрела на Киллуа, чтобы убедиться, что с ребенком все в порядке, так как он не дал ей

ответа.

Карие глаза встретились с голубыми. По позвоночнику медсестры пробежал холодок. В глазах ребенка не было никаких эмоций, они были холодными. В его глазах не было ничего, кроме пустоты и холода.

Киллуа была единственной, кто нарушил зрительный контакт. Ее карие глаза напомнили ему Гона, его самого первого и лучшего друга. К сожалению, в ее глазах отразился страх, как только они встретились с его глазами. Напомнив ему, кто он такой и что он способен причинять только боль. Страх, гнев и разочарование по отношению к нему были ему знакомы, и он научился принимать их. Вернее, научился, потому что как только он стал принимать то, кем - чем он был, это тоже стало непривычным. Поэтому он не мог вынести взгляда медсестры, наполненного страхом по отношению к нему. Он забыл, как не замечать его, игнорировать. Поэтому он просто отвернулся к окну и позволил своим мыслям вернуться к тому, что произошло. Его выражение лица было лишено каких-либо эмоций, как и глаза. Он не показывал свою печаль, гнев или страх, он скрывал их, прятал, ведь это был один из первых навыков, которым он овладел. Скрывать свои эмоции.

-Молодой человек, нам нужно сменить вам повязки. Медсестра сказала ему, ее голос был мягким и низким, почти нежным, и она почти идеально скрыла свой страх. Но Киллуа был опытным убийцей, поэтому дрожь в ее голосе была для него очевидна.

Он просто кивнул медсестре, все еще глядя в сторону, не видя ничего определенного. Он думал, что ему делать дальше.

<http://tl.rulate.ru/book/56772/1449602>